

Отметка 2800

Сергей Галактионов

18+

Сергей Галактионов

Отметка 2800

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Отметка 2800 / С. В. Галактионов — «Автор», 2026

Астероид 16 Психея-Бета. Крупнейшая добывающая база в Главном поясе. 185 человек, 12 андроидов, два километра шахт в железо-никелевой толще. Когда буровой инженер Итан Колдуэлл вскрывает каверну на глубине 2800 метров, он думает, что нашёл геологическую аномалию. Экзобиолог Рэйчел Морган знает лучше: в каверне — сорок тысяч коконов. Внутри — существа, которые спали два миллиарда лет. И тепло бурения только что их разбудило. Рой выходит из спячки лавиной. Он ест металл. Он ест людей. Он учится быстрее, чем люди успевают думать. Герметизация не работает. Маскировка не работает. Оружие не работает.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Керн	6
Глава 2. Образец	13
Глава 3. Разлом	21
Глава 4. Рой	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Галактионов

Отметка 2800

*Доктор Морган, я не являюсь пищевой ценностью для роя.
Означает ли это, что я не являюсь живым?»*

*— ARI-7, автономный исследовательский интерфейс, серия ARI,
бортовой журнал базы «Горизонт-9», запись от 14.03.2192, 22:47
бортового времени*

ЧАСТЬ I. ГЛУБИНА

Глава 1. Керн

Отметка минус две тысячи четыреста метров.

Итан Колдуэлл стоял на краю бурового забоя и смотрел вниз, в темноту, которая началась там, где заканчивался свет его нашлемного фонаря. Луч упирался в породу — тускло-серую, с маслянистым блеском, — и растворялся в ней, как в воде. Железо-никелевый сплав с включениями троилита и шрейберзита. Он знал состав этой породы лучше, чем состав собственной крови, потому что провёл в ней четырнадцать месяцев, а кровь сдавал только на ежеквартальном медосмотре.

— «Забой-шесть», доложите глубину, — сказала рация голосом, от которого у него до сих пор сводило что-то под рёбрами. Не сердце. Скорее то место, где сердце было бы, если бы он позволял себе о таком думать.

— Две четыреста ровно, — ответил Итан. — Плюс-минус полметра. Плазменный резак перегрелся на последнем проходе, мы дали ему двадцать минут.

— Температура керна?

— Сто восемьдесят два по Цельсию на выходе из скважины. В норме.

Пауза. Рэйчел Морган всегда делала паузу перед следующим вопросом, и в этой паузе Итан слышал всё, что она не говорила. Четырнадцать месяцев назад, когда он прилетел на «Горизонт-9», пауз не было. Были её руки на его лице в тесной каюте на палубе «Б», и её смех, когда он путал названия минералов, и её голос ночью — не по рации, а рядом, так близко, что он чувствовал её дыхание на своей шее. Потом он подписал продление контракта на два года, не сказав ей. Она узнала из рассылки кадрового отдела. После этого появились паузы.

— Итан, — сказала она наконец. — Мне нужен образец из текущего горизонта. Керн, не шлам. Ненарушенная структура.

— Зачем?

Ещё одна пауза. Короче.

— Аномалия в спектральном анализе предыдущей партии. Я хочу проверить.

Он не стал спрашивать, какая аномалия. Рэйчел была экзобиологом — единственным на базе из ста восьмидесяти пяти человек, и единственным, кого интересовало не то, сколько стоит извлечённый иридий на бирже Цереры, а то, что порода может рассказать о прошлом астероида. Остальные сто восемьдесят четыре человека (включая его самого, если он был честен с собой, а он старался не быть) работали на корпорацию «Хелиос Дип Майнинг», и их интересовали тонны, проценты и бонусы за перевыполнение плана.

— Сделаю, — сказал он и переключил канал.

Забой-шесть. Самая глубокая точка, до которой человек добирался на астероиде типа М. Шахта уходила вертикально вниз — если слово «вниз» имело смысл при гравитации 0,06 g, — пробитая в теле 16 Психеи-Бета за десять лет непрерывного бурения. Диаметр ствола — четыре метра. Стены укреплены титановыми кольцами через каждые двадцать метров. Температура росла с глубиной: на поверхности — минус сто шестьдесят, здесь — плюс двенадцать. Не от звезды. Солнце на расстоянии трёх астрономических единиц было тусклой точкой, дававшей меньше тепла, чем лампочка в холодильнике. Тепло шло изнутри — остаточный радиогенный нагрев от распада алюминия-26 и железа-60, запертых в ядре протопланеты, которая когда-то была целой, а потом перестала.

Итан знал всё это не потому, что учился на геолога. Он учился на инженера. Но четырнадцать месяцев рядом с Рэйчел Морган делали с человеком странные вещи: он начинал запоминать вещи, которые она говорила, даже когда не слушал. Особенно когда не слушал.

Он отстегнул буровой керноприёмник — цилиндр из карбида вольфрама длиной шестьдесят сантиметров — и извлёк образец. Порода внутри была другой. Не тускло-серой. Не мас-

лянистой. Керн на отметке 2400 метров был тёмным — почти чёрным, с тонкими прожилками чего-то, что отливало янтарём в луче фонаря. Итан повернул цилиндр. Янтарные прожилки шли параллельно, на равном расстоянии друг от друга, как линии на штрихкоде.

Он работал с породой четырнадцать месяцев. Он видел железо, никель, кобальт, троилит, шрейберзит, дауберлит. Он не видел ничего, что выглядело бы упорядоченным. Породы не бывают упорядоченными. Кристаллы — да. Жилы — иногда. Но это были не жилы и не кристаллы. Это было что-то, что имело структуру.

Итан поднёс керн ближе к фонарю. Между янтарными прожилками, в чёрной матрице породы, он увидел пустоты. Микроскопические, едва заметные — как пузырьки воздуха в стекле. Но пузырьков воздуха не бывает на глубине 2400 метров внутри металлического астероида, где давление окружающей породы превышает 200 мегапаскалей. Здесь не бывает ничего пустого.

Он снова включил рацию.

— Рэйчел.

— Слушаю.

— Я нашёл твою аномалию.

Рация на базе «Горизонт-9» работала по проводному протоколу — радиоволны не проходили через два с половиной километра железо-никелевой толщи, поэтому связь между шахтой и поверхностными модулями шла по оптоволоконному кабелю, проложенному вдоль ствола. Задержка — 0,003 секунды. Достаточно, чтобы передать голос. Недостаточно, чтобы передать выражение лица. Итан думал об этом иногда — о том, что Рэйчел не видит его лица, когда они разговаривают. Не видит, как он сжимает челюсти, когда она говорит слово «аномалия» с таким возбуждением, с каким другие люди говорят «я люблю тебя». Не видит, как он закрывает глаза на секунду, когда она говорит «Итан» — просто его имя, два слога, ничего больше.

Он упаковал керн в транспортный контейнер, промаркировал: «ГР-9 / Заб-6 / –2400 / КРН-1187», пристегнул к грузовой лебёдке и отправил вверх. Контейнер поплыл по стволу шахты — при 0,06 g он весил меньше двух килограммов, и лебёдка тянула его лениво, как воздушный шарик на нитке.

Внизу, под его ногами, было ещё четыреста метров породы до расчётной границы ядра астероида. Джейкоб Торрес хотел дойти до неё к концу квартала. Контракт предусматривал бонус за каждые сто метров ниже отметки 2000. Корпорация «Хелиос Дип Майнинг» платила хорошо. Корпорация «Хелиос Дип Майнинг» платила за глубину.

Итан посмотрел вниз, туда, где свет фонаря упирался в породу и умирал.

Ему показалось — на границе света и темноты что-то двинулось.

Он моргнул. Посмотрел снова.

Ничего.

Порода. Железо. Никель. Тишина.

Он развернулся и пошёл к грузовому лифту.

Поверхность астероида 16 Психея-Бета выглядела так, как выглядит всё, что провело четыре с половиной миллиарда лет в вакууме: серо, мертво и безразлично. Реголит — пылевидный слой раздробленной породы толщиной от нескольких сантиметров до полуметра — покрывал всё, как пепел после пожара, которого не было. Под реголитом — монолитный металл, изредка рассечённый трещинами от древних ударов. Горизонт — близкий, неровный, загибающийся вверх из-за малого диаметра астероида (214 километров по длинной оси, 181 — по короткой). Небо — чёрное, всегда. Солнце — белая точка, слишком далёкая, чтобы греть, слишком яркая, чтобы смотреть без фильтра.

База «Горизонт-9» занимала площадь в двенадцать гектаров на экваториальном плато астероида. Сверху — если бы было откуда смотреть сверху — она напоминала микросхему: прямоугольные модули, соединённые герметичными переходами, с круглыми куполами гидро-

понных ферм по краям и массивным цилиндром ядерного реактора «Прометей-IV» в центре. Реактор давал 40 мегаватт — достаточно для маленького города. База и была маленьким городом: 185 человек, три вахтовые смены по 60, плюс обслуживающий персонал, плюс научная группа Рэйчел из семи человек, плюс медицинский блок Сары Хейс, плюс двенадцать андроидов серии ARI, которые формально не считались «персоналом», но занимали каюты на палубе «С» и потребляли электричество, как если бы считались.

Лиза Картер называла их по именам. Не по номерам — по именам, которые она сама им дала, хотя в документации они были ARI-1, ARI-2 и так далее до ARI-12. Остальные на базе считали это чудачеством. Итан считал это чудачеством тоже, но не говорил, потому что Лиза однажды починила его буровой лазер за двадцать минут, и он с тех пор старался не говорить ей ничего, что могло бы привести к ситуации, в которой она не захотела бы чинить его лазер в следующий раз.

Грузовой лифт доставил Итана на поверхность за одиннадцать минут. Перепад давления — незначительный: база поддерживала 1 атмосферу во всех модулях, шахта была герметизирована до отметки –1800, ниже — скафандры обязательны. Итан снял шлем в шлюзовой камере, и первое, что он почувствовал, был запах. Базу «Горизонт-9» можно было узнать с закрытыми глазами: рециркулированный воздух с привкусом озона от очистительных фильтров, пластик, пот ста восьмидесяти пяти человек, которые принимали душ по расписанию (три минуты, вода — рециркулированная, мыло — стандартное, запах — никакой), и едва уловимый, сладковатый запах гидропонного блока, где на двенадцати ярусах росли соя, шпинат, картофель и штамм хлореллы, который снабжал базу сорока процентами кислорода.

Он прошёл через жилой модуль «Альфа» — коридор два метра шириной, потолок два сорок, светодиодные панели на стенах, имитирующие дневной свет с цветовой температурой 5600 К. По коридору шли люди: третья смена возвращалась с вахты, первая — заступала. Сто двадцать человек дважды в день менялись местами в этом коридоре, и каждый раз Итан думал о кровеносной системе — артерии и вены, идущие параллельно, одни несут свежую кровь к органам, другие — отработанную обратно. База дышала. База жила. Сто восемьдесят пять сердец, качающих кровь внутри металлического тела, висящего в пустоте в трёхстах миллионах километров от ближайшего океана.

Он не думал о Рэйчел, когда шёл по коридору. Он думал о керне. О янтарных прожилках и пустотах. О том, что порода на отметке 2400 не похожа на породу на отметке 2300. О том, что за четырнадцать месяцев он не видел ничего подобного. Он не думал о Рэйчел.

Он думал о Рэйчел.

Лаборатория экзобиологии занимала два смежных отсека в научном крыле — модуль «Дельта», палуба «А». Стены — белые, свет — холодный, 6500 К, чтобы не исказить цвета образцов. Оборудование: масс-спектрометр Фишера-Каплана, ИК-Фурье-спектрофотометр, электронный микроскоп с разрешением 0,2 нанометра, биохимический анализатор серии «Кассини-7», и ARI-7, который стоял у дальней стены и калибровал что-то, что Итан не мог опознать.

ARI-7 был старейшим андроидом на базе. Серия ARI — Autonomous Research Interface — выпускалась корпорацией «Синтеллект» с 2187 года. Гуманоидный корпус, рост 178 сантиметров, лицо — намеренно упрощённое, чтобы не вызывать эффект «зловещей долины»: гладкая синтетическая кожа без пор и морщин, глаза — серо-голубые, неподвижные, рот — узкая линия, которая двигалась при речи, но никогда не улыбалась. Лиза называла его Артур. Остальные называли его «семёрка».

Рэйчел стояла у масс-спектрометра, и когда Итан вошёл, она не обернулась. Он положил контейнер с керном на лабораторный стол. Звук — глухой, мягкий, потому что стол был покрыт антивибрационным полимером.

— КРН-1187, — сказал он. — Глубина 2400, ненарушенная структура. Как просила.

Она обернулась.

Четырнадцать месяцев. Тридцать один год. Рост — сто шестьдесят восемь. Волосы — тёмные, убранные в хвост, который она перевязывала кабельной стяжкой, потому что резинки для волос не входили в список снабжения корпорации «Хелиос Дип Майнинг». Глаза — кариес, с тем выражением, которое он видел только у людей, которые смотрят на что-то под микроскопом слишком долго: одновременно сосредоточенное и отсутствующее, как будто она видела мир в другом масштабе, и в этом масштабе Итан Колдуэлл — буровой инженер, 34 года, рост 183, контракт до 2193 года — был объектом слишком крупным, чтобы поместиться в поле зрения.

— Спасибо, — сказала она.

Это было слово, которым заканчивались их разговоры. Не начинались — заканчивались. Шесть месяцев назад они заканчивались иначе. Шесть месяцев назад она говорила «останься» — не в шахте, не на базе, а вообще — останься, как будто это слово могло удержать человека, который уже подписал двухлетний контракт и не знал, как сказать ей, что подписал, потому что не знал, как сказать ей, что без контракта он не знает, кто он.

Она вскрыла контейнер. Вытащила керн. Поднесла к свету.

И замерла.

— Итан.

Он уже разворачивался к двери.

— Итан, подожди.

Он остановился. Не потому что она попросила. Потому что её голос изменился. Возбуждение — да, но не то, с которым она говорила «аномалия». Другое. В нём была нота, которую он слышал только один раз — когда они нашли кристалл шрейберзита размером с кулак на отметке 1800, и Рэйчел сказала: «Это невозможно». Тогда оказалось — возможно. Просто редко.

— Посмотри, — сказала она.

Он подошёл. Она держала керн под лампой, поворачивая его, и янтарные прожилки вспыхивали в свете, как нервы.

— Видишь структуру?

— Вижу. Линейная, параллельная. Я думал — кристаллическая решётка. Необычная, но

—

— Это не кристаллическая решётка.

Она положила керн под электронный микроскоп. Экран на стене ожил. Увеличение: x200, x500, x1000. На x1000 янтарные прожилки перестали быть прожилками. Они стали волокнами. Переплетёнными, уложенными слоями, с регулярной периодичностью в 0,4 микрона.

— Это похоже на... — начал Итан и не закончил, потому что то, на что это было похоже, не имело смысла.

— Хитин, — сказала Рэйчел. — Или что-то функционально аналогичное хитину. Полимерная структура с кремний-кислородными связями, но архитектура — слоистая, как у экзоскелета членистоногих. — Она переключила на x5000. — А вот это — смотри — трегалоза. Дисахарид. На Земле его используют тихоходки и личинки комаров-звонцов для криопротекции при ангидробиозе. Он предотвращает образование кристаллов льда в клетках.

— Рэйчел.

— А здесь — в лакунах, между волокнами — белковые кристаллы. Я не могу определить последовательность без полного секвенирования, но масс-спектр даёт пики на аминокислотах, которых нет в земной биохимии. Нет, Итан, ты не понимаешь — их нет в земной биохимии. Они не существуют ни в одном каталоге. Это—

— Рэйчел.

Она остановилась. Посмотрела на него. Глаза — карие, расширенные.

— Что ты мне говоришь? — спросил он.

Она молчала три секунды. Потом:

— Я говорю тебе, что внутри этого астероида, на глубине два с половиной километра, в породе возрастом около двух миллиардов лет, находится биологический материал. Не ископаемый. Не минерализованный. Биологический. С криопротекторами. С аминокислотами, которых не существует на Земле.

Итан смотрел на экран. На волокна, уложенные слоями, с точностью, которая не бывает у минералов. С точностью, которая бывает только у вещей, которые кто-то построил.

— Ты хочешь сказать, что оно живое?

Рэйчел не ответила сразу. Она повернулась к ARI-7, который стоял у стены и — Итан мог поклясться — слушал.

— Артур, — сказала она. — Сравни спектральный профиль образца с базой данных экзобиологических аналогов. Все категории, включая гипотетические.

— Выполняю, доктор Морган, — сказал ARI-7. Его голос был ровным, без интонаций — не потому, что он не умел интонировать, а потому, что Лиза никогда не программировала его интонации, считая, что если он захочет интонировать, то научится сам. Он не захотел.

Пауза. Четыре секунды. Итан знал, что для ARI-7 четыре секунды — это много. Обычно он отвечал за 0,8.

— Совпадений не найдено, — сказал ARI-7. — Образец не соответствует ни одному известному биологическому или синтетическому материалу в базе данных. Однако структурная архитектура имеет конвергентное сходство с экзоскелетом земных Arthropoda. Класс насекомых — отряд жесткокрылых. Внешнее сходство. Биохимическая основа — принципиально иная.

Тишина.

— Конвергентная эволюция, — сказала Рэйчел тихо. — Не насекомые. Не земная жизнь. Что-то, что эволюционировало совершенно иначе, на совершенно ином субстрате, но пришло к тем же решениям. Хитин — потому что слоистые полимеры эффективны для защиты. Трегалоза — потому что криопротекция необходима при низких температурах. Кастовая структура —

Она осеклась. Итан видел, как она осеклась, — рот остался открытым на полсекунды, и в её глазах промелькнуло что-то, что он не мог назвать иначе как страхом.

— Кастовая структура? — переспросил он.

— Я забегаю вперёд, — сказала она быстро. — Мне нужно больше данных. Мне нужен керн с большей глубины. И мне нужно, чтобы Торрес остановил бурение, пока я не закончу анализ.

Итан знал, что Джейкоб Торрес не остановит бурение. Джейкоб Торрес был главным геологом базы, и в его мире бурение останавливалось по двум причинам: поломка оборудования или прямой приказ корпорации. Слово «экзобиолог» не входило ни в одну из этих категорий.

— Я поговорю с ним, — сказал Итан, не веря в то, что говорит.

— Спасибо, — сказала Рэйчел.

И снова — это слово, которым заканчивались их разговоры. Он стоял в дверях. Она стояла у микроскопа. Между ними — три метра лабораторного пола и шесть месяцев молчания о вещах, которые не имели отношения к керну, породе и глубине.

— Рэйчел, — сказал он.

— Да?

Он хотел сказать: я жалею. Я жалею, что подписал контракт, не сказав тебе. Я жалею, что выбрал глубину вместо тебя. Я жалею, что не умею выбирать.

— Будь осторожна с выводами, — сказал он. — Торрес не любит, когда его останавливают.

Он вышел.

За его спиной ARI-7 повернул голову — движение, которого никто не видел — и посмотрел на дверь, через которую ушёл Итан. Потом посмотрел на Рэйчел, которая уже склонилась над микроскопом и забыла обо всём, что не было волокнами, трегалозой и невозможными аминокислотами.

Потом посмотрел на свои руки.

Синтетическая кожа. Титановый каркас. Сервоприводы. Ни одного волокна. Ни одной аминокислоты. Ни одной клетки, способной умереть.

ARI-7 вернулся к калибровке.

Столовая модуля «Бета» вмещала шестьдесят человек одновременно. Три посадки в день — завтрак, обед, ужин — по сменам. Сейчас была пересменка, и в столовой оказалось почти сто двадцать человек: уходящая третья смена и заступающая первая. Шум — ровный, густой, как гул улья. Итан подумал о слове «улей» и тут же выбросил его из головы, потому что ему не нравилось то, что этот образ пришёл сам, непрошено, из того места в мозгу, где хранились вещи, показанные ему Рэйчел.

Он взял поднос. Соевый белок с хлореллой, картофельное пюре из гидропоники, вода с электролитами. Вкус — ровный, функциональный, как и всё на базе. Еда здесь не была едой. Она была топливом. Сто восемьдесят пять человек потребляли в среднем 2400 килокалорий в сутки; гидропонный блок производил 62% необходимого объёма, остальное — из запасов, которые пополнялись грузовым кораблём с Цереры раз в четыре месяца.

Маркус Дрейк сидел через два стола, один. Офицер безопасности базы — должность, которая на «Горизонте-9» означала: следить за соблюдением протоколов, проводить учебные эвакуации раз в квартал и носить на бедре электрошоковый пистолет, который он ни разу не применял за три года службы. Сорок лет, бывший военный — корпус космической пехоты, два срока на орбитальных станциях. Коротко стриженный, с лицом человека, который привык отдавать приказы, но давно не имел повода.

Маркус поднял глаза от подноса.

— Колдуэлл. Слышал, вы опять забрались глубже всех.

— Две четырёхста, — сказал Итан, садясь за соседний стол. Не за его стол. Между ними — проход. Дистанция, достаточная для вежливости, недостаточная для разговора.

— Торрес доволен?

— Торрес всегда доволен, когда цифра растёт.

Маркус хмыкнул. Пожевал соевый белок.

— Знаешь, что меня беспокоит, — сказал он, не глядя на Итана. — Последние две недели — шорохи в вентиляции. Сектор «С», нижние палубы. Техники говорят — термическое расширение трубопроводов. Но я двадцать лет слушал, как расширяются трубопроводы. Это не трубопроводы.

Итан посмотрел на него.

— А что?

Маркус пожал плечами.

— Если бы я знал, я бы не беспокоился. Я бы действовал.

За соседним столом кто-то засмеялся. Женский голос — Кэролайн Миллер, химик, 33 года, — рассказывала что-то Эндрю Паркеру, механику, 27 лет, и Эндрю смеялся в ответ, широко, открыто, как смеются люди, которые ещё не разучились. Итан попытался вспомнить, когда он сам последний раз смеялся так. Не вспомнил.

Он доел. Отнёс поднос. Вышел в коридор.

У модуля «Гамма» он столкнулся с Лизой Картер. Она шла из мастерской андроидов — палуба «С», — и в её руках было что-то, похожее на сервопривод, обёрнутый в антистатическую ткань.

— Артуру меняешь суставы? — спросил Итан.

— Ему не нужна замена, — сказала Лиза. — Это для Грейс. ARI-4. У неё сбой в левом плечевом приводе, начинает заедать при подъёме выше ста двадцати градусов.

Лиза говорила об андроидах так, как ветеринар говорит о животных: с профессиональной заботой, за которой стоит что-то большее, чем профессия. Она пришла на «Горизонт-9» три года назад — одна из первых, ещё на этапе строительства. Она собирала ARI из комплектов, поставляемых «Синтеллектом», — двенадцать корпусов, двенадцать нейропроцессорных блоков, двенадцать наборов синтетической кожи. Она давала им имена. Она разговаривала с ними по ночам, когда база спала, и Итан однажды услышал через стенку каюты, как она говорит: «Спокойной ночи, Артур», — и ARI-7 отвечает: «Спокойной ночи, Лиза. Ваш пульс повышен на двенадцать процентов относительно вечерней нормы. Рекомендую мелатонин».

— Лиза, — сказал Итан. — Ты когда-нибудь замечала, чтобы ARI вели себя... странно?

— Странно — это как?

— Не знаю. Артур сегодня в лаборатории — мне показалось, что он слушал. Не анализировал данные, не выполнял запрос. Просто стоял и слушал.

Лиза улыбнулась. Это была улыбка человека, которому говорят то, что он давно знает.

— Он и слушал. Они все слушают. Не потому что запрограммированы — потому что у них восемь петабайт неструктурированной памяти, и они заполняют её всем, что воспринимают. Звуки, вибрации, электромагнитный фон. Они записывают мир. Всё время. И иногда, когда массив данных достигает критической плотности, они начинают задавать вопросы.

— Какие вопросы?

— Разные. Артур вчера спросил меня, почему люди боятся темноты, если в темноте нет ничего, чего не было бы при свете.

— И что ты ответила?

— Я ответила: потому что мы — не ты.

Она пошла дальше, к палубе «С», держа сервопривод, как птицу с перебитым крылом.

Итан остался в коридоре. За стенами — гул реактора, 40 мегаватт, частота — 60 герц, еле слышная, как пульс. За стенами — сто восемьдесят пять человек, двенадцать андроидов, два шаттла на посадочной площадке, одна антенна дальней связи, один автоматический маяк. За стенами — астероид, 214 километров камня и металла, висящий в пустоте между Марсом и Юпитером.

А на глубине 2400 метров — янтарные волокна, трегалоза и аминокислоты, которых не существует на Земле.

Итан пошёл в каюту.

Он не спал.

На границе сна — там, где сознание размягчается и пропускает вещи, которые днём не пропускает, — он снова увидел это: на границе света и темноты, в забое шахты, что-то двинулось. Что-то, что не было породой. Что-то, что не было железом, никелем, троилитом или шрейберзитом.

Что-то, что ждало.

Глава 2. Образец

Рэйчел Морган не спала четырнадцать часов.

Это не было рекордом. На третьем курсе Массачусетского технологического, когда она секвенировала геном термоацидофильной археобактерии из гидротермального источника Братья Кларк на дне Тихого океана, она не спала тридцать один час и потом уснула лицом в клавиатуру, и её руководитель, доктор Элеанор Вэнс, сфотографировала это и повесила в лаборатории с подписью: «Наука требует жертв. Наука не требует идиотизма». Рэйчел запомнила. С тех пор она не спала подолгу — но всегда осознанно, всегда по выбору, и всегда из-за чего-то, что было важнее сна.

Керн КРН-1187 был важнее сна.

Она стояла перед ИК-Фурье-спектрофотометром и смотрела на экран, где инфракрасный спектр образца разворачивался, как горная цепь, — пики и впадины, каждый пик — молекулярная связь, каждая впадина — отсутствие связи, и вместе они складывались в портрет вещества, как отпечаток пальца складывается в портрет человека. Пик на 1420 см^{-1} — кремний-кислородная связь, Si-O, характерная для силикатов. Но не для биологических структур. Земные членистоногие строили экзоскелет из хитина — поли-N-ацетилглюкозамина, — полимера на основе углерода, водорода, кислорода и азота. Никакого кремния. А здесь — кремний-кислородный каркас, на который были нанизаны углеродные фрагменты, как бусины на проволоку.

Гибрид. Кремний-углеродный гибрид.

Рэйчел прокрутила спектр дальше. Пик на 2920 см^{-1} — C-H-связи, метиленовые группы, органика. Пик на 3400 — широкий, размытый — O-H, вода или гидроксильные группы. Пик на 1650 — амидная полоса, белок. И ещё один, на 1035 см^{-1} , — трегалоза. Дисахарид, два остатка глюкозы, связанных $\alpha,\alpha\text{-}1,1$ -гликозидной связью. На Земле — криопротектор. Его синтезировали тихоходки, когда готовились пережить высушивание, замораживание или радиацию. Его синтезировали личинки *Polypedilum vanderplanki*, когда температура падала ниже нуля. Его синтезировали эти существа — или то, что от них осталось, — когда температура упала ниже минус ста шестидесяти, и они свернулись в коконы, и заснули, и ждали.

Два миллиарда лет.

Рэйчел откинулась от спектрофотометра и потёрла глаза. Мысль, которую она не хотела формулировать, формулировалась сама, упрямо, как кристалл, растущий в пересыщенном растворе: если трегалоза сохранилась, значит, криопротекция сработала. Значит, клеточные мембраны не были разрушены кристаллами льда. Значит, белки не были денатурированы. Значит, теоретически — чисто теоретически, — если поднять температуру, если восстановить гидратацию, если ввести достаточно энергии—

Нет.

Два миллиарда лет. Ни один биологический организм — ни земной, ни гипотетический — не мог сохранить жизнеспособность в течение двух миллиардов лет. Тихоходки выживали десятилетия, может быть — столетия. Споры бактерий — сотни тысяч лет, если верить самым смелым оценкам. Но два миллиарда — это геологическая эпоха, это время, за которое континенты поменялись местами четыре раза, океаны испарились и наполнились заново, атмосфера Земли из бескислородной стала кислородной и убила девяносто девять процентов анаэробной жизни.

Но это были не земные организмы. В этом-то и дело.

Рэйчел встала, прошла по лаборатории. Четыре шага в одну сторону, четыре — в другую. Она делала так, когда думала, — измеряла мысль шагами, и чем длиннее мысль, тем быстрее шаги. Сейчас она почти бежала.

Конвергентная эволюция. Два организма на разных планетах, в разных биохимических системах, приходят к одинаковым решениям — потому что законы физики одинаковы. Крыло птицы и крыло летучей мыши — разная анатомия, один принцип. Глаз осьминога и глаз человека — разная эмбриология, одна оптика. Хитин земных членистоногих и кремний-углеродный полимер этих существ — разная химия, одна функция: защита.

Но конвергенция имела границы. Крыло — это аэродинамика, и аэродинамика диктует форму. Глаз — это оптика, и оптика диктует линзу. А что диктует кастовую систему? Что заставляет организм, эволюционировавший в недрах протопланеты за два миллиарда лет до появления первого многоклеточного на Земле, развить специализированные касты — рабочих, воинов, разведчиков?

Ответ: давление среды. Если среда достаточно враждебна, если ресурсы достаточно ограничены, если конкуренция достаточно жёстка — любой коллективный организм придёт к разделению труда. Это не биология. Это математика. Теория игр. Оптимальное распределение ресурсов в замкнутой системе.

Рэйчел остановилась у стены. Её ладони были холодными. Она прижала их к лицу и закрыла глаза.

Она думала не о кастах.

Она думала о масштабе.

Волокна в керне были фрагментами экзоскелета. Не целым организмом — фрагментом. Обломком. Осколком чего-то, что было крупнее. Она прикинула толщину слоёв, плотность волокон, площадь поперечного сечения — и получила минимальный размер существа, которому мог принадлежать этот экзоскелет. Тридцать сантиметров. Это если фрагмент — от самого крупного слоя. Если от среднего — пятьдесят. Если от самого тонкого —

Она не стала считать дальше. Ей не нравилось число, которое получалось.

ARI-7 стоял у дальней стены лаборатории и наблюдал.

Это не было его функцией. Его функцией были калибровка оборудования, обработка данных, техническое обслуживание приборов. Наблюдение за людьми не входило в его задачи — и всё же он наблюдал. Он делал это всегда, когда в лаборатории был кто-то живой. Записывал частоту дыхания, температуру кожи (ИК-сенсоры, встроенные в глаза, точность $\pm 0,1^\circ\text{C}$), микровыражения лица, тон голоса, паузы между словами. Восемь петабайт неструктурированной памяти, и он заполнял их всем, что воспринимал, потому что не знал, что из этого окажется важным. Не знал — и не мог узнать, потому что понятие «важность» требовало целеполагания, а его целеполагание было определено перечнем задач, а наблюдение за людьми в перечне задач отсутствовало.

Он наблюдал всё равно.

Доктор Морган ходила по лаборатории. Четыре шага в одну сторону, четыре — в другую. Частота дыхания — восемнадцать в минуту, выше нормы. Температура кожи лица — $36,8^\circ\text{C}$, выше среднесуточной. Пульс — видимый на шее, в яремной ямке — восемьдесят два удара в минуту. Она была возбуждена. Или напугана. ARI-7 не мог различить эти состояния по физиологическим показателям — они были идентичны. Разницу можно было определить только по контексту, а контекст — это то, что люди называли пониманием, и чего у ARI-7, по утверждению производителя, не было.

Она остановилась у стены. Прижала ладони к лицу. Её пульс снизился до семидесяти шести.

— Артур, — сказала она, не отнимая ладоней от лица.

— Да, доктор Морган.

— Ты записываешь всё, что происходит в лаборатории?

— Да.

— Всегда?

— С момента активации. Тринадцатое мая 2189 года, 09:14:32 по стандартному бортовому времени.

Она опустила руки. Посмотрела на него. Он зафиксировал: расширение зрачков на 0,3 мм, микронапряжение orbicularis oculi — мышцы вокруг глаз, индикатор сосредоточенности или тревоги.

— Артур. Если бы ты обнаружил, что внутри астероида есть что-то живое — не бактерии, не микроорганизмы, а что-то крупное, многоклеточное, со сложной морфологией, — что бы ты сделал?

ARI-7 обработал вопрос за 0,4 секунды. Он мог ответить за 0,5. Он ответил за 3,2 — потому что вопрос содержал условное допущение («если бы»), которое не соответствовало ни одной зарегистрированной ситуации в его базе данных, и ему потребовалось время на то, что Лиза Картер называла «размышлением», а инженеры «Синтеллекта» — «рекурсивным перебором вариантов в неструктурированном пространстве решений».

— Я бы внёс данные в журнал наблюдений и передал их ответственному специалисту, — сказал он. — В данном случае — вам.

— А если бы это было опасно?

— Я бы внёс данные в журнал наблюдений и передал их ответственному специалисту. Оценка угрозы — за пределами моей компетенции.

Рэйчел смотрела на него. Он не мог прочитать её выражение. Не потому, что ему не хватало данных — данных было достаточно: угол бровей, положение губ, направление взгляда. Ему не хватало модели, в которую эти данные можно было бы подставить. Люди называли это «интуицией». ARI-7 называл это «отсутствующим параметром».

— Доктор Морган, — сказал он.

— Да?

— Могу я задать вопрос?

Она чуть наклонила голову. Удивление. Или любопытство. Или оба — он не мог различить.

— Задавай.

— Я не являюсь пищевой ценностью для биологического организма. У меня нет клеток, белков, аминокислот. Означает ли это, что я не являюсь живым?

Рэйчел молчала.

Четыре секунды. Восемь. Двенадцать.

Её пульс не изменился. Дыхание не участилось. Но зрачки расширились ещё на 0,2 мм — она думала. Не о спектрах, не о хитине, не о двух миллиардах лет. О нём.

— Я не знаю, Артур, — сказала она наконец.

Это был первый раз, когда доктор Морган сказала ему «я не знаю». ARI-7 зафиксировал это и сохранил.

Он не знал, зачем сохранил. Но сохранил.

Утро — понятие условное, когда солнце не восходит и не заходит, а висит белой точкой на чёрном небе, одинаковой в любое время суток. На «Горизонте-9» утро определялось часами: 06:00 бортового времени, синхронизированного с UTC+0. В 06:00 светодиодные панели в жилых модулях переключались с ночного режима (2700 К, приглушённый) на дневной (5600 К, полная яркость), и база просыпалась — не потому, что хотела, а потому, что расписание не давало выбора.

Рэйчел стояла над раковиной в санитарном блоке каюты — два квадратных метра, зеркало из полированного алюминия, кран с рециркулированной водой, который выдавал ровно 800 миллилитров за одно нажатие. Она смотрела на своё отражение и думала о том, что выглядит плохо. Не «плохо» в эстетическом смысле — она давно перестала думать об эстетике, когда ближайший человек, перед которым имело смысл хорошо выглядеть, был на расстоянии

трёхсот миллионов километров и не разговаривал с ней о личном. «Плохо» — в клиническом смысле. Тени под глазами — фиолетовые, глубокие. Кожа — бледная, с сероватым оттенком, который появляется у людей, не видевших солнечного света больше года. И тошнота.

Тошнота была новой.

Она появилась неделю назад — утренняя, тупая, волнообразная, — и Рэйчел объяснила её себе стрессом. Или рециркулированным воздухом. Или хлореллой из гидропонного блока, которая иногда давала привкус, от которого сводило желудок. Она объяснила её себе чем угодно, кроме того единственного объяснения, которое было очевидным, и которое она не хотела рассматривать, потому что рассматривать его означало думать о вещах, которые не имели отношения к экзобиологии.

Она умылась. Оделась. Комбинезон — стандартный, серый, с нашивкой «Хелиос Дип Майнинг» на левом рукаве и её именем на правом: «Р. Морган, экзобиология». Она застегнула молнию и почувствовала, что пояс стал теснее. На полсантиметра. Может быть — на сантиметр.

Стресс. Хлорелла. Рециркулированный воздух.

Она вышла из каюты.

Кабинет Джейкоба Торреса находился в административном крыле модуля «Альфа» — маленький отсек с одним столом, одним экраном и одним человеком, который занимал это пространство так, как крупное животное занимает клетку: с явным несоответствием масштаба. Джейкоб был большим — не толстым, а именно большим: широкие плечи, тяжёлые руки, голова, которая казалась чуть крупнее, чем полагалось при его росте. Пятьдесят два года, из которых тридцать — в геологии, сначала на Земле (шахты Аппалачей, потом — глубоководное бурение в Мексиканском заливе), потом — на Луне (программа «Артемиды-III»), потом — здесь.

Он любил глубину. Рэйчел видела это — не умом, а тем чутьём, которое развивается у людей, проводящих много времени в замкнутых пространствах с другими людьми: способность читать мотивацию по мелочам. Джейкоб Торрес не говорил о деньгах. Не говорил о контракте. Не говорил о корпорации. Он говорил: «Ещё сто метров», — и его глаза загорались, как у ребёнка, который копает яму на пляже и хочет добраться до другой стороны Земли.

Разница была в том, что Джейкоб действительно мог добраться.

— Нет, — сказал он.

Рэйчел стояла перед его столом. На экране за его спиной — геологический профиль шахты, цветокодированный по плотности породы: зелёный — мягче, красный — твёрже, чёрный — непроходимо. Забой-шесть был зелёной точкой на отметке –2400.

— Джейкоб, я прошу приостановить бурение на сорок восемь часов. Двое суток. Пока я не закончу анализ—

— Двое суток — это шесть метров глубины при текущей скорости проходки. Шесть метров — это сто двадцать тысяч долларов бонуса для каждого члена буровой команды. Ты хочешь, чтобы я объяснил шестидесяти людям, почему они потеряли сто двадцать тысяч, потому что экзобиолог нашла в камне что-то интересное?

— Я нашла в камне биологический материал, Джейкоб. Не минерал. Не ископаемое. Биологический материал с криопротекторами и белками. Это может быть крупнейшее открытие в истории—

— Это может быть загрязнение образца.

— Это не загрязнение. Масс-спектр показывает аминокислоты, которых нет в земной биохимии. Ты не можешь загрязнить образец аминокислотами, которых не существует на Земле.

Джейкоб посмотрел на неё. Его глаза были спокойными — не холодными, не враждебными, а именно спокойными: глаза человека, который слышит аргумент, понимает его и отвер-

гает не потому, что аргумент плох, а потому, что у него есть другой аргумент, который перевешивает.

— Рэйчел, — сказал он медленно. — Я тебя уважаю. Ты — лучший экзобиолог, с которым я работал. Единственный экзобиолог, с которым я работал, но лучший. Если ты говоришь, что в керне есть биологический материал — я тебе верю. Но бурение не остановится. Потому что контракт предусматривает достижение отметки минус два восемьсот к концу квартала, а до конца квартала — три недели, и мы отстаём на пятьдесят метров. Если мы не дойдём — корпорация урежет бюджет на следующий цикл, и тогда твоя лаборатория лишится половины финансирования. Ты этого хочешь?

Рэйчел молчала. Она знала, что он прав — не морально, а арифметически. Арифметика была языком, на котором говорила корпорация, и на этом языке биологический материал возрастом два миллиарда лет стоил меньше, чем шесть метров глубины.

— Я хочу, чтобы ты хотя бы снизил скорость проходки, — сказала она. — И чтобы буровая команда фиксировала любые аномалии в породе. Пустоты, изменения плотности, температурные скачки. Всё.

— Это я могу, — сказал Джейкоб. — Это бесплатно.

Он улыбнулся. Она не улыбнулась.

Она шла по коридору модуля «Дельта» обратно в лабораторию, когда её накрыло.

Тошнота — не утренняя на этот раз, а внезапная, острая, как удар под рёбра. Она остановилась, упёрлась рукой в стену, наклонилась. Дышала ртом: вдох — два — три — четыре, выдох — два — три — четыре. Техника, которой её научила Сара Хейс на первой неделе на базе: «Космическая болезнь — это нормально. Дыши по квадрату. Пройдёт».

Не прошло.

Рэйчел выпрямилась, вытерла рот тыльной стороной ладони. В коридоре никого не было — первая смена ушла в шахту, вторая спала, третья работала в других модулях. Она была одна. Одна со своей тошнотой, и со своим тесным комбинезоном, и с мыслью, которую она не хотела думать.

Восемь недель. Если считать от той ночи.

Та ночь. Каюта на палубе «Б». Итан, его руки, его молчание после — не плохое молчание, а то, которое бывает, когда два человека исчерпали слова и остались с чем-то, для чего слов нет. Потом — утро. Рассылка кадрового отдела: «Колдуэлл И., буровой инженер, продление контракта до 2193 г., одобрено». Она прочитала это на планшете, лёжа в его кровати, пока он был в душе. Она оделась и ушла. Он не остановил её. Она не обернулась.

Восемь недель.

В аптечке лабораторного модуля был тест — стандартный, входивший в медицинский комплект каждого отсека базы. Она могла сделать его сейчас. За тридцать секунд. И узнать.

Она не сделала.

Не потому, что боялась результата. Потому что знала результат — тем знанием, которое не нуждается в подтверждении, как не нуждается в подтверждении гравитация: ты чувствуешь её, и этого достаточно. Она знала, и это знание лежало на дне сознания, как керн на дне контейнера — запечатанное, промаркированное, отложенное на потом. Сейчас были вещи важнее. Спектры. Хитин. Трегалоза.

Кастовая система.

Рэйчел вошла в лабораторию.

ARI-7 стоял у электронного микроскопа. На экране — увеличение x10000. Она подошла и замерла.

— Артур. Когда ты это получил?

— Сорок три минуты назад, доктор Морган. Я продолжил сканирование образца КРН-1187 по сетке с шагом 0,1 миллиметра, как вы запрашивали. На координатах 14,7/22,3 я обнаружил структуру, которая не соответствует фрагменту экзоскелета.

На экране было лицо.

Не человеческое. Не лицо в привычном смысле — ни глаз, ни рта, ни носа. Но структура, вмурованная в породу на глубине 2400 метров, имела фасеточную поверхность — сотни шестиугольных ячеек, упакованных плотно, как соты, каждая ячейка диаметром 0,02 миллиметра, каждая — с линзой из прозрачного кремний-углеродного полимера. Фасеточный глаз. Или то, что выполняло функцию глаза. Орган зрения существа, которое видело мир не так, как видят его люди — не единым изображением, а мозаикой из тысяч фрагментов, сложенных в панораму.

Рэйчел поняла три вещи одновременно.

Первая: существо, которому принадлежал этот фрагмент, было зрячим. Оно имело органы чувств. Оно воспринимало окружающую среду.

Вторая: фасеточный глаз — это не глаз хищника. У хищников — бинокулярное зрение, направленное вперёд, для оценки расстояния до жертвы. Фасеточный глаз — это глаз жертвы, или работника, или разведчика: панорамный обзор, максимальный захват пространства. Это глаз существа, которое живёт в группе.

Третья: размер фасетки — 0,02 миллиметра. У земных стрекоз — 0,03. У мух — 0,02. Но стрекозы и мухи — мелкие, несколько сантиметров. Масштабирование фасеточного глаза до организма в 30–50 сантиметров означало, что количество фасеток могло достигать десятков тысяч. Разрешение — невысокое по человеческим меркам, но достаточное для навигации в темноте, в полостях, в лабиринтах каверн.

В темноте.

Они жили в темноте. В недрах протопланеты, которая разрушилась два миллиарда лет назад, рассыпалась на куски, и один из этих кусков стал астероидом 16 Психея-Бета, и люди прилетели на этот астероид, и построили базу, и начали бурить, и добрались до глубины 2400 метров, и нашли то, что спало в темноте всё это время.

— Артур, — сказала Рэйчел тихо. — Покажи мне полную карту образца. Все структуры, которые ты нашёл.

— Выполняю.

Экран заполнился. Не одна структура — семнадцать. Фрагменты экзоскелета — разной толщины, разной плотности. Фасеточный глаз — один. Фрагмент мандибулы — челюстного аппарата, если она правильно интерпретировала зазубренную, серповидную структуру с кислотоустойчивым покрытием. И ещё — три фрагмента, которые ARI-7 классифицировал как «неопределённые», но которые Рэйчел узнала сразу, потому что видела их тысячи раз в учебниках энтомологии, только в другом масштабе.

Крылья.

Тонкие, мембранные, с жилками из кремний-углеродного полимера. Не для полёта — при 0,06 г и отсутствии атмосферы крылья были бесполезны для аэродинамической подъёмной силы. Но не бесполезны для вибрации. Земные цикады использовали крылья как резонаторы для звуковых сигналов. Земные пчёлы вентилировали ульи взмахами крыльев. А эти—

Рэйчел посмотрела на ARI-7.

— Артур. Крылья. Мембранная структура с жилками. Какова резонансная частота?

ARI-7 обработал запрос за 1,1 секунды.

— При расчётных размерах и упругости материала — от 400 до 1200 герц. Диапазон ультразвука. Однако при модуляции амплитуды возможна генерация инфразвуковых гармоник в диапазоне 8–20 герц.

Инфразвук. Восемь-двадцать герц. Частота, которая проходит через камень. Через металл. Через стены базы.

Рэйчел медленно села на лабораторный стул.

— Они общаются, — сказала она. — Не феромонами. Не светом. Вибрацией. Инфра- и ультразвуком. Через породу. На расстоянии — потенциально — сотен метров.

— Уточнение, доктор Морган, — сказал ARI-7. — Электромагнитный спектр образца также демонстрирует аномалию. Жилки крыловой мембраны имеют ферромагнитные включения, способные генерировать слабое переменное магнитное поле при механическом колебании. Расчётная напряжённость — от 0,5 до 3 микротесла. Достаточно для обнаружения биологическим магниторецептором на расстоянии до пятидесяти метров.

Электромагнитная коммуникация. Рэйчел закрыла глаза.

Вибрация и электромагнитное поле. Два канала. Избыточность — признак сложной коммуникационной системы. Земные муравьи использовали феромоны и тактильный контакт. Земные пчёлы — танцы и феромоны. Эти существа — вибрацию и ЭМ-поле. Два канала означали координацию. Координация означала коллективное поведение. Коллективное поведение означало—

Рой.

Не просто группа организмов. Рой. Суперорганизм, в котором каждая особь — клетка единого тела, и гибель одной особи — не смерть, а ампутация, после которой тело продолжает жить.

Рэйчел открыла глаза.

— Артур. Сколько коконов зафиксировали дроны в каверне на отметке –2800?

— Дроны не проникали в каверну, доктор Морган. Визуальный захват ограничен входным отверстием. Экстраполяция на основе видимого фрагмента стены и плотности коконов — приблизительно сорок тысяч единиц. Погрешность — плюс-минус двадцать процентов.

Сорок тысяч.

Плюс-минус двадцать процентов.

От тридцати двух до сорока восьми тысяч существ.

Размером от тридцати до восьмидесяти сантиметров.

В спячке на глубине 2800 метров.

И бурение шло к ним — три метра в сутки, — как стрелка часов, отсчитывающая время до момента, когда тепло плазменного резака (4000°C на кромке, 180°C в окружающей породе, и температура росла с каждым метром) достигнет коконов и запустит процесс, обратный тому, который остановил их два миллиарда лет назад.

Рэйчел встала.

— Мне нужно поговорить с Уитфилдом, — сказала она.

— Начальник базы Уитфилд находится в командном центре, модуль «Альфа», палуба «А», — сказал ARI-7. — Его текущий статус — совещание с руководителями смен. Расчётное время окончания — четырнадцать минут.

— Это не может ждать четырнадцать минут.

Она пошла к двери.

— Доктор Морган.

Она остановилась.

— Да?

ARI-7 стоял неподвижно. Его серо-голубые глаза — неподвижные, гладкие, без зрачков, которые могли бы расширяться от страха или сужаться от сосредоточенности, — смотрели на неё. Или, точнее, были направлены в её сторону, потому что «смотреть» предполагало намерение, а намерение предполагало сознание, а сознание — это то, чего у ARI-7, по утверждению производителя, не было.

— Сейсмические датчики шахты зарегистрировали микровибрации на глубине –2700 метров, — сказал он. — Частота — 12 герц. Источник — неизвестен. Первая регистрация — девять часов назад. Амплитуда увеличилась на 340 процентов за последние три часа.

Двенадцать герц.

Инфразвук.

В диапазоне резонансной частоты крыловых мембран.

Рэйчел почувствовала, как холод поднялся от ступней к затылку — не физический, не температурный, а тот холод, который приходит, когда тело понимает что-то раньше, чем разум находит для этого слова.

— Девять часов? — сказала она. — Почему ты не сообщил раньше?

— Микровибрации частотой 12 герц не являются аномалией для горнодобывающей операции. Термическое расширение, сейсмическое эхо бурения, тектонические микроподвижки — все эти факторы генерируют вибрации в диапазоне 5–30 герц. Я не классифицировал их как значимые.

— А сейчас?

Пауза. 0,8 секунды. Для ARI-7 — вечность.

— Сейчас — в контексте обнаруженных биологических структур — я переклассифицировал их как потенциально значимые.

Рэйчел бежала по коридору.

За ней — лаборатория, керн, экран с семнадцатью фрагментами того, что спало в породе. За ней — ARI-7, который стоял у стены и смотрел на закрывшуюся дверь, и записывал, и не знал, зачем записывает.

Под ней — 2400 метров железа и никеля. Под ней — каверна с сорока тысячами коконов. Под ней — вибрация, 12 герц, которая росла.

Они просыпались.

Она ещё не знала этого наверняка. Но её тело знало — то самое тело, которое тошнило по утрам, и в котором, на глубине, о которой она не хотела думать, рос кто-то, кого она ещё не назвала, кого она не планировала, кого она зачала в каюте на палубе «Б» с человеком, который выбрал глубину вместо неё.

Рэйчел бежала. Светодиодные панели мелькали над головой — 5600 К, имитация дневного света, имитация нормальности, имитация мира, в котором всё в порядке.

Под ногами — чуть заметно, на самой границе восприятия — пол дрожал.

Глава 3. Разлом

Отметка минус две тысячи восемьсот метров.

Итан Колдуэлл висел в упряжи на стене забоя и слушал, как плазменный резак режет породу. Звук — не звук, потому что в скафандре звук передавался через вибрацию корпуса, а не через воздух, — был похож на скрежет зубов, увеличенный в тысячу раз. Резак работал на мощности 85%: температура плазмы на кромке — 4200°C, диаметр реза — 12 миллиметров, скорость проходки — 1,8 метра в час. Медленно. Порода на этой глубине была плотнее, чем на 2400, — не просто железо-никелевый сплав, а почти чистый никелистый железный монолит с вкраплениями коэнита и шрейберзита, который сопротивлялся плазме, как кость сопротивляется скальпелю: не ломался, а плавился, неохотно, слоями, оставляя на стенках скважины стекловидные потёки, остывавшие за секунды до тускло-серой корки.

Итан проверил показания на запястном дисплее. Температура окружающей породы — 194°C. На 2400 было 182. Двенадцать градусов за четыреста метров. Градиент — 3°C на сто метров, в пределах нормы для астероида типа М с активным радиогенным ядром. Но на последних пятидесяти метрах градиент вырос: 194 вместо расчётных 189. Пять лишних градусов. Не критично для оборудования — скафандр держал до 300, резак был рассчитан на 600, — но достаточно, чтобы Итан заметил. Он замечал отклонения. Это была его работа — замечать отклонения до того, как они становились авариями.

— «Забой-семь», доложите статус, — сказал Джейкоб Торрес по рации. Голос — из командного центра на поверхности, чистый, без помех, оптоволокно работало безупречно до самого дна.

— Проходка в норме, — ответил Итан. — Скорость 1,8. Температура породы — 194, на пять выше расчётной.

— В пределах допуска?

— В пределах. Но на грани.

— Понял. Продолжайте. До заряда — сорок минут.

Итан переключил канал и посмотрел вниз. Под ним — ещё двадцать метров вертикального ствола до расчётной точки заложения взрывного заряда. Джейкоб хотел вскрыть горизонт -2800 одним мощным импульсом — не бурением, а детонацией. Сейсмический заряд «Горгона-IV», 200 килограммов пластичной взрывчатки на основе гексогена, рассчитанной на работу в вакууме и при повышенных температурах. Заряд должен был расколоть монолит и обнажить структуру ядра астероида — то, ради чего «Хелиос Дип Майнинг» потратила десять лет и четыре миллиарда долларов.

Итан не думал о четырёх миллиардах. Он думал о пяти лишних градусах. И о том, что Рэйчел вчера сказала ему «будь осторожна с выводами», и о том, что в её глазах было что-то, что он не видел шесть месяцев — не страх, не гнев, а срочность. Рэйчел Морган не торопилась никогда. Она была человеком, который мог потратить три часа на калибровку спектрофотометра и не моргнуть. Если Рэйчел торопилась — значит, что-то было не так.

Он не спросил, что именно. Он должен был спросить. Но он стоял в дверях лаборатории, и она стояла у микроскопа, и между ними было шесть месяцев молчания, и он сказал «будь осторожна с выводами», потому что это было единственное, что он мог сказать, не сломав то хрупкое, что осталось между ними.

— Колдуэлл, — сказал голос рядом. Не по рации — в скафандре, через ближнюю связь. ARI-5, андроид, прикреплённый к буровой бригаде. Он висел на упряжи в трёх метрах от Итана, его синтетическое лицо было обращено к стене забоя, и он сканировал породу встроенным лидаром. — Температура породы на отметке -2795 демонстрирует локальную анома-

лию. Пятно диаметром приблизительно четыре метра, температура — 212°C. Отклонение от среднего — плюс восемнадцать градусов.

Итан посмотрел на дисплей ARI-5, который андроид транслировал на его запястный экран. Тепловая карта: синее — холодное, красное — горячее, и в центре — яркое жёлтое пятно, как ожог на коже.

— Что это? — спросил Итан.

— Неопределённый источник тепла. Геометрия пятна не соответствует естественному радиогенному нагреву. Форма — овальная, вытянутая по горизонтали, что предполагает наличие полости или зоны пониженной теплопроводности под поверхностью породы.

Полость. На глубине 2800 метров внутри металлического астероида.

Итан вспомнил керн с 2400. Пустоты. Микроскопические пузырьки в породе, которых не должно было быть при давлении 200 мегапаскалей. Он вспомнил янтарные прожилки. Фасеточный глаз на экране микроскопа. Он вспомнил, как Рэйчел сказала «кастовая система» и осеклась.

— «Забой-семь» — Торресу, — сказал он в рацию.

— Слушаю, Колдуэлл.

— Джейкоб, у нас тепловая аномалия на –2795. Локальное пятно, 212 градусов, овальная геометрия. ARI-5 предполагает полость под породой.

Пауза. Три секунды. Для Джейкоба Торреса три секунды — это много. Он обычно отвечал мгновенно, как человек, который давно принял все решения и просто ждёт, пока мир догонит его планы.

— Размер полости?

— Неизвестен. ARI-5 не может пробить лидаром больше трёх метров породы. Но если тепловое пятно — это проекция полости на стенку забоя, то минимальный диаметр — четыре метра. Максимальный — не определён.

Ещё одна пауза. Длиннее.

— Заряд заложен?

— Нет. Закладка через двадцать минут.

— Закладывайте на расчётной точке. Если там полость — заряд вскрыет её. Это даже лучше: сэкономим два дня бурения.

— Джейкоб.

— Да?

— Рэйчел просила остановиться.

Тишина. Не пауза — тишина. Та, которая бывает, когда человек на другом конце провода слышит имя, которое не хочет слышать, и решает, как ответить, чтобы не сказать того, что думает.

— Я знаю, что просила Рэйчел, — сказал Джейкоб. — И я знаю, что просит корпорация. Заряд — через двадцать минут. Торрес — конец связи.

Рэйчел стояла в командном центре и смотрела на экран, на котором Алан Уитфилд смотрел на неё.

Командный центр «Горизонта-9» — модуль «Альфа», палуба «А» — был самым большим помещением на базе: двадцать на двенадцать метров, потолок четыре метра, стены покрыты мониторами, показывающими всё, что можно показать о астероиде, базе и ста восьмидесяти пяти людях, живущих на нём. Камеры наблюдения — 340 штук, от жилых модулей до шахтных забоев. Системы жизнеобеспечения — давление, температура, состав воздуха, уровень радиации. Энергосистема — реактор «Прометей-IV», 40 мегаватт, нагрузка 78%. Связь — антенна дальней связи, направленная на Землю, задержка 18 минут, текущий статус — «ожидание пакета». И в центре всего — геологический монитор, на котором шахта «Горизонт-9»

была изображена как вертикальная красная линия, уходящая в чёрное тело астероида, как игла в плоть.

Алан Уитфилд сидел за главным пультом. Пятьдесят восемь лет, седые волосы, лицо человека, который провёл двадцать лет в корпоративной иерархии и научился выражать несогласие, не двигая ни одной мышцей. Он не был плохим человеком. Рэйчел знала это. Он был осторожным человеком, а осторожность в космосе — это то, что отделяет живых людей от мёртвых, и Уитфилд ценил живых людей, потому что мёртвые люди — это отчёты, расследования и потеря контракта.

— Рэйчел, — сказал он. — Я прочитал ваш доклад.

— И?

— И я впечатлён. Биологический материал на глубине 2400 метров — это экстраординарно. Если ваши данные подтвердятся, это публикация в Nature, это Нобелевская премия, это—

— Алан. Мне не нужна Нобелевская премия. Мне нужно, чтобы вы отменили взрывной заряд на -2800.

Уитфилд не моргнул. Его лицо осталось таким же — спокойным, гладким, как поверхность астероида за иллюминатором.

— Почему?

— Потому что каверна, которую заряд вскроет, не пуста. Сейсмодатчики фиксируют микровибрации на -2700, частота 12 герц, амплитуда растёт. ARI-7 обнаружил в керна биологические структуры — экзоскелеты, фасеточные глаза, крыловые мембраны с ферромагнитными включениями. Это не микроорганизмы, Алан. Это макроорганизмы. Крупные. Многоклеточные. И они находятся в криптобиозе в коконах на глубине 2800 метров. Если заряд вскроет каверну и впустит туда тепло и кислород—

— Вы говорите, что они проснутся.

— Я говорю, что существует вероятность, что повышение температуры и изменение газового состава запустят процесс обратимого выхода из криптобиоза. На Земле тихоходки выходят из ангидробиоза за минуты при контакте с водой. Эти организмы — не тихоходки, их биохимия принципиально иная, но принцип тот же: криопротекторы сохраняют клеточную целостность, и при восстановлении условий—

— Рэйчел.

— Да?

— Сколько их?

Она знала, что он спросит. Она подготовила ответ. Но когда она произнесла число вслух, в командном центре, под гул реактора и мерцание трёхсот сорока мониторов, оно прозвучало иначе, чем в лаборатории, где были только она и ARI-7.

— Экстраполяция по данным дронов — приблизительно сорок тысяч коконов.

Уитфилд посмотрел на геологический монитор. Красная линия шахты. Чёрное тело астероида. Точка на -2800, мигающая жёлтым — заряд, готовый к закладке.

— Сорок тысяч, — повторил он. — Какого размера?

— От тридцати до восьмидесяти сантиметров. Возможно — крупнее. Я не могу определить точно по фрагментам.

— И они спят.

— Два миллиарда лет.

— И вы хотите, чтобы я отменил взрыв, потому что они могут проснуться.

— Я хочу, чтобы вы отменили взрыв, потому что мы не знаем, что произойдёт, если они проснутся.

Уитфилд снял очки — жест, который он делал, когда хотел показать, что говорит не как начальник, а как человек. Без очков его лицо стало старше, усталее, и в уголках глаз появились морщины, которые он обычно прятал за стёклами.

— Рэйчел, — сказал он тихо. — Я понимаю. Я действительно понимаю. Но заряд заложен. Корпорация утвердила план вскрытия горизонта –2800 три месяца назад. Если я отменю его сейчас — на основании гипотезы экзобиолога о криптобиозе организмов, которых никто не видел, — меня снимут до конца недели. И вас тоже. И лабораторию закроют. И через полгода сюда прилетит другая команда, и они взорвут тот же заряд, и они не будут спрашивать экзобиолога, потому что экзобиолога уже не будет.

Он надел очки. Морщины исчезли. Снова — начальник базы.

— Заряд сработает через сорок минут. Я приказываю эвакуировать всех из шахты ниже –2600 на время детонации. Это максимум, что я могу сделать.

Рэйчел смотрела на него. Она знала, что он прав — не морально, а системно. Система не позволяла остановить процесс, который был запущен до того, как она нашла первый керн. Система была машиной, и машина не останавливалась из-за одного человека, даже если этот человек говорил правду.

— Эвакуируйте шахту, — сказала она. — Всех. Ниже –2400. Не –2600, а –2400.

— Это перестраховка.

— Это минимум.

Уитфилд посмотрел на неё. Потом — на монитор. Потом — на часы.

— Хорошо. Ниже –2400. Но это мой последний компромисс, Рэйчел.

Итан получил приказ об эвакуации за двадцать минут до детонации.

— Все ниже –2400 — наверх, — сказал голос Уитфилда по рации. — Заряд через двадцать минут. Это не учебная тревога.

Он отстегнул упряжь и начал подъём. ARI-5 двигался рядом — андроид не нуждался в упряжи, его магнитные захваты цеплялись за титановые кольца ствола, и он полз вверх, как паук, бесшумно и точно. Внизу, на –2795, плазменный резак всё ещё гудел, дорезая последние сантиметры до точки закладки заряда. Два техника — Марк Дэвис и Хуан Ортис — уже паковали оборудование. Их лица за визорами скафандров были спокойными: взрывные работы на «Горизонте-9» проводились раз в две недели, рутина, как смена фильтров в рециркуляторе.

Итан поднялся до –2400 за восемь минут. Грузовой лифт ждал на отметке –2200. Он забрался в кабину, ARI-5 — следом. Двери закрылись. Лифт поплыл вверх.

На –1800 — граница герметизации. Итан снял шлем. Воздух шахты — сухой, с привкусом металла и озона от плазменных резаков. Он вдохнул и почувствовал тошноту — не свою, а чужую, фантомную, как будто его тело помнило тошноту Рэйчел, которую она описала ему вчера, когда говорила о керне, и которую он не заметил, потому что думал о волокнах и трегалозе, а не о том, что её лицо было бледнее обычного.

Лифт остановился на поверхности. Итан вышел в шлюзовую камеру, прошёл дезактивацию — обдув, УФ-обработка, проверка на микротрещины скафандра, — и пошёл в командный центр.

Рэйчел была там. Она стояла у геологического монитора, и её руки были сжаты в кулаки, и он увидел это — сжатые кулаки, побелевшие костяшки — и понял, что она боится. Не «обеспокоена», не «озабочена», а боится. Рэйчел Морган, которая не боялась ничего, кроме скуки и плохих данных, боялась.

Он подошёл. Встал рядом. Не коснулся.

— Что происходит? — спросил он.

Она не посмотрела на него. Глаза — на мониторе, на красной линии шахты, на мигающей жёлтой точке.

— Заряд через шесть минут, — сказала она. — Они вскроют каверну.

— Какую каверну?

— Ту, в которой сорок тысяч коконов.

Итан молчал. Он помнил керн. Пустоты. Фасеточный глаз. Крылья.

— Рэйчел, — сказал он. — Ты думаешь, они живые?

Она повернулась к нему. И в её глазах он увидел то, что видел только однажды — в ту ночь на палубе «Б», когда она смотрела на него после, и он не знал, что сказать, и промолчал, и это молчание стало трещиной, которая росла шесть месяцев, пока не стала стеной.

— Я думаю, что трегалоза в их гемолимфе сохранила клеточную целостность. Я думаю, что кремний-углеродный хитин защитил их от радиации и давления. Я думаю, что электромагнитные рецепторы в крыловых мембранах позволяют им чувствовать вибрации через два километра породы. И я думаю, что когда заряд взорвётся и впустит в каверну тепло и кислород, их метаболизм начнёт восстанавливаться. Не через дни. Не через часы. Через минуты.

— И тогда?

— И тогда они выйдут.

— Куда?

— Вверх, Итан. К теплу. К кислороду. К нам.

Детонация.

Заряд «Горгона-IV» сработал на отметке –2800 в 14:32:07 бортового времени. На поверхности базы «Горизонт-9» взрыв не был слышен — вакуум не передаёт звук, — но сейсмодатчики зафиксировали ударную волну, которая прошла через тело астероида, как пульс через кость: 4,2 балла по локальной шкале, длительность — 1,8 секунды, затухание — экспоненциальное. Мониторы в командном центре мигнули. Кофе в кружке Уитфилда качнулся. Рэйчел ухватила за край стола.

Потом — тишина.

Потом — данные.

Дроны, запущенные из ствола шахты за тридцать секунд до детонации, вошли в каверну через трещину в потолке. Камера первого дрона передала изображение на главный экран командного центра, и все — Уитфилд, Рэйчел, Итан, Джейкоб Торрес, который только что вошёл, запыхавшийся, с красным лицом, — замерли.

Каверна была огромной.

Дрон летел вперёд, и его прожектор выхватывал из темноты стены, потолок, пол — всё покрытое чем-то, что на первый взгляд казалось минеральными натеками, сталактитами и сталагмитами из тёмно-янтарного вещества. Но дрон приблизился, и разрешение камеры выросло, и Рэйчел поняла, что это не минералы.

Коконы.

Тысячи коконов. Они покрывали стены каверны сплошным слоем — овальные, удлинённые, размером от полуметра до полутора метров, прикреплённые к породе нитями того же янтарного вещества, из которого были сделаны их оболочки. Каждый кокон пульсировал — едва заметно, с частотой, которую глаз почти не улавливал, но которая была видна на замедленной записи: сжатие-расширение, сжатие-расширение, как дыхание спящего.

Дрон пролетел дальше. Каверна расширялась — потолок уходил вверх на тридцать, сорок, пятьдесят метров, стены расходились в стороны, и на каждой поверхности — коконы, коконы, коконы, ярус за ярусом, слой за слоем, как соты в улье, как яйца в муравейнике, как —

— Остановите дрон, — сказала Рэйчел.

Никто не остановил. Дрон летел дальше. Камера показывала пол каверны — и на полу коконы были крупнее. Два метра. Два с половиной. Некоторые — три. Их оболочки были толще, темнее, с выраженным рисунком, напоминающим рёбра жёсткости на корпусе корабля. И внутри каждого — тень. Силуэт. Сегментированное тело, сложенные конечности, что-то,

что могло быть головой, — и всё это неподвижно, застывшие, как насекомое в янтаре, только янтарь был вокруг, а не внутри, и насекомое было размером с человека.

— Сорок тысяч, — прошептал Джейкоб Торрес. Его лицо было белым. Не бледным — белым, как мел, как скафандр, как синтетическая кожа ARI-7. — Рэйчел, их здесь не сорок тысяч. Их здесь больше.

Дрон передал панораму. Каверна уходила за пределы видимости — в темноту, в глубину, в недра астероида, и коконы не заканчивались. Они уходили в стены, в пол, в потолок, в трещины и разломы, которые вели дальше, глубже, в места, куда дрон не мог долететь.

— Сто тысяч, — сказала Рэйчел. — Может быть, двести. Экстраполяция была ошибочной. Мы видели только фрагмент стены. Это не стена. Это гнездо.

Уитфилд встал. Его лицо было тем же — спокойным, гладким, — но руки дрожали. Рэйчел видела: пальцы на краю стола, микроскопический тремор, который он не мог контролировать.

— Эвакуация шахты, — сказал он. — Полная. Немедленно.

— Шахта уже эвакуирована, — сказал Джейкоб. — Я вывел всех до детонации.

— Тогда герметизация. Все шлюзы ниже -1800. Закрыть. Запечатать.

— Алан, — сказала Рэйчел. — Герметизация не поможет. Они прогрызут—

Она не закончила. Потому что на экране что-то изменилось.

Дрон, зависший в центре каверны, зафиксировал движение. Не пульсацию коконов — это было фоновое, постоянное, как прилив. Это было другое. На стене, в трёх метрах от дрона, один кокон — небольшой, около полуметра, с тонкой, полупрозрачной оболочкой — треснул.

Трещина прошла по поверхности, как молния по стеклу. Из трещины вытекла жидкость — густая, янтарная, похожая на ту, что заполняла пустоты в керне КРН-1187. Жидкость капала на пол каверны, и в месте падения поднимался пар — не от температуры, а от химической реакции: трегалоза в гемолимфе контактировала с кислородом, который проник в каверну через трещину в потолке, и реакция была экзотермической.

Оболочка кокона разошлась.

Изнутри — существо.

Оно было маленьким. Тридцать, может быть, сорок сантиметров. Тело — сегментированное, вытянутое, покрытое хитином серебристого цвета, который блестел в свете дрона, как ртуть. Шесть конечностей — тонких, суставчатых, с коготками на концах, которые цеплялись за стенку кокона, как пальцы за край ванны. Голова — треугольная, с двумя фасеточными глазами, каждый из которых состоял из сотен шестиугольных ячеек, и в свете дрона эти ячейки вспыхивали, как мозаика из крошечных зеркал. Крылья — сложенные вдоль спины, полупрозрачные, с жилками, которые мерцали, как провода под напряжением.

Существо не двигалось. Оно висело на стенке кокона, мокрое, дрожащее, и его фасеточные глаза — тысячи линз, направленных во все стороны одновременно, — смотрели.

На дрон.

— Оно живое, — сказала Рэйчел.

Её голос был ровным. Она удивилась этому — ровности, потому что внутри неё всё кричало, но голос не слушал. Голос был инструментом, и инструмент работал, даже когда человек за ним разваливался.

— ARI-5, — сказала она в рацию. — Ты видишь это?

— Подтверждаю, доктор Морган, — ответил ARI-5 из шахты. Его голос был таким же ровным, как у ARI-7, — все андройды серии ARI говорили одинаково, без интонаций, без эмоций, как метрономы. — Визуальный контакт с биологическим организмом на стенке каверны, сектор 7-А. Морфология соответствует экстраполяции по образцу КРН-1187. Размеры — приблизительно 38 сантиметров. Статус — активен.

Существо на экране шевельнулось. Его крылья развернулись — медленно, с хрустом, который дрон не мог передать, но который Рэйчел слышала в своём воображении, — и завибрировали. Частота — высокая, ультразвуковая, неслышимая для человеческого уха, но ARI-5 зафиксировал её и передал данные: 14,2 килогерца. Ультразвук. Эхолокация. Существо сканировало пространство вокруг себя.

Потом оно издало другой звук. Ниже. Гораздо ниже.

Инфразвук.

Сейсмодатчики на стенах шахты зафиксировали его мгновенно: 12 герц, амплитуда — в десять раз выше, чем три часа назад. Вибрация прошла через породу, через стены каверны, через коконы, через—

И коконы начали вскрываться.

Не один. Не десять. Все.

На экране дрона — панорама каверны — Рэйчел видела, как трещины побежали по стенам, как молнии по небу, — одна, другая, десятая, сотая, — и из каждой трещины вытекала янтарная жидкость, и из каждого кокона вылезало существо, маленькое или большое, серебряное или чёрное, с крыльями или без, с жвалами или с шипами, — и все они двигались, все они вибрировали, все они издавали инфразвук, и инфразвук складывался в хор, и хор проходил через два километра породы, и пол командного центра дрожал, и кружка Уитфилда упала со стола, и кофе разлился по карте астероида, и никто не обратил внимания.

— Температура в каверне, — сказал ARI-5, и его голос впервые за всё время, что Итан его знал, звучал быстрее, чем обычно, — растёт. Текущее значение — 204°C. Скорость роста — 2,3 градуса в минуту. Источник — экзотермические реакции выхода из криптобиоза. Метаболизм организмов восстанавливается.

— Сколько? — спросил Джейкоб. Его голос сорвался. — Сколько их вышло?

ARI-5 обработал запрос за 0,6 секунды.

— На текущий момент визуальный захват дрона фиксирует 3412 активных организмов. Экстраполяция на полный объём каверны — от 80 до 120 тысяч. Скорость выхода из криптобиоза — экспоненциальная. Расчётное время полного пробуждения роя — 47 минут.

Тишина.

Рэйчел смотрела на экран. На тысячи существ, которые ползли по стенам каверны, как муравьи по стенкам муравейника, — только муравейник был размером с собор, и муравьи были размером с собаку, и они не были муравьями, и они не были насекомыми, и они не были ничем, что Земля когда-либо видела. Они были другими. Конвергентная эволюция, два миллиарда лет в темноте, кремний-углеродный хитин, трегалоза, инфразвук, электромагнитная коммуникация, кастовая система, коллективный разум — и всё это проснулось, потому что люди прилетели на их астероид, и построили базу, и пробурили два с половиной километра породы, и впустили тепло, и впустили кислород, и разбудили то, что должно было спать вечно.

— Оно живое, — сказала Рэйчел снова. Голос — тот же, ровный, клинический, но теперь в нём была трещина, тонкая, как трещина в коконе, и через эту трещину проступало то, что она прятала за терминами и спектрами и цифрами. — Они все живые. И мы их только что разбудили.

Итан стоял рядом с ней. Он не смотрел на экран. Он смотрел на неё. На её сжатые кулаки, на её бледное лицо, на её живот, скрытый под комбинезоном, который стал теснее за последние недели, и который он не замечал, потому что не смотрел, потому что не умел смотреть, потому что он умел смотреть только вниз, в породу, в глубину, в темноту.

Он протянул руку. Коснулся её плеча. Она не отстранилась. Это было не прощение — прощение требовало слов, а слов не было. Это было признание: мы здесь, мы вместе, и то, что идёт снизу, не остановится от того, что мы не разговаривали шесть месяцев.

— Эвакуация базы, — сказал Уитфилд. Его голос был ровным. Руки больше не дрожали. Он принял решение — не как начальник, а как человек, который понял, что его протоколы не работают. — Все модули. Все палубы. Немедленная эвакуация к шаттлам. Это не учебная тревога. Это не протокол «Крепость». Это—

Он не закончил. Потому что сейсмодатчики показали новый всплеск. Не на –2800. Не на –2700.

На –1800.

На –1200.

На –600.

Рой двигался вверх. Через породу. Через стены шахты. Через два километра железа и никеля, которые для него были не преградой, а средой обитания, — потому что он эволюционировал в камне, он жил в камне, он спал в камне, и камень для него был тем же, чем для человека — воздух.

— Они в шахте, — сказал ARI-5. — Глубина — минус одна тысяча двести метров. Скорость подъёма — восемь метров в минуту. Расчётное время достижения поверхности — 150 минут.

Два с половиной часа.

Уитфилд нажал кнопку общей тревоги. Сирена — пронзительная, пульсирующая, 95 децибел, частота 800 герц — заполнила базу, и сто восемьдесят пять человек одновременно услышали звук, который означал одно: конец.

Итан сжал плечо Рэйчел сильнее. Она не отстранилась.

Под их ногами — 214 километров камня и металла, и в этом камне, и в этом металле, сто тысяч существ, которые спали два миллиарда лет и теперь проснулись, и были голодны, и знали, где тепло, и знали, где кислород, и знали, где еда.

ЧАСТЬ II. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 4. Рой

04:17 бортового времени.

Рэйчел видела это на камере 214-F — нижний технический уровень, палуба «F», коридор между водоперерабатывающим блоком и складом горюче-смазочных материалов. Камера была старой, разрешение — 720p, угол обзора — 110 градусов, ночной режим, потому что на палубе «F» не было людей и свет там не горел с полуночи. Инфракрасная съёмка. Зелёно-серая картинка, зернистая, с артефактами сжатия в углах кадра.

Стена коридора — титановая обшивка поверх базальтобетона, толщина 40 сантиметров, — вздулась.

Не прогнулась. Не треснула. Вздулась, как кожа над нарывом. Металл пошёл пузырями, и из пузырей потекла жидкость — не вода, не гидравлика, а что-то густое, тёмное, что в инфракрасном спектре светилось ярко-белым, потому что его температура превышала 200°C. Кислота. Муравьиная кислота в смеси с неизвестным ферментом, который Рэйчел не успела проанализировать, но который, судя по скорости разъедания титана, работал быстрее, чем любой растворитель в её лаборатории.

Обшивка лопнула.

Из отверстия — метр в диаметре, края оплавленные, — хлынул поток.

Рэйчел считала. Она не могла не считать — это был рефлекс, автоматический, как дыхание: один, два, пять, десять, двадцать, пятьдесят. Существа выливались из стены, как вода из прорванной трубы, — не по одному, не группами, а сплошной массой, телами, переплетёнными конечностями, крыльями, жвалами, хитином, и все они двигались с одинаковой скоростью, в одном направлении, без столкновений, без задержек, как единый организм, разлитый по коридору.

— Камера 214-F, — сказала она в рацию. Голос — ровный. Руки — на столе, ладонями вниз, чтобы никто не видел, как они дрожат. — Рой проник на палубу «F». Сектор водопереработки. Количество — не поддаётся подсчёту. Сотни. Возможно — тысячи.

— Подтверждаю, — сказал ARI-7 из лаборатории, куда он вернулся после эвакуации командного персонала. — Сейсмические датчики палуб «E» и «F» фиксируют массовое перемещение биомассы. Расчётный вес — от четырёх до шести тонн. Скорость перемещения — 12 метров в секунду.

Двенадцать метров в секунду. Сорок три километра в час. Быстрее, чем бежит человек.

Рэйчел переключила камеры. 215-F — склад ГСМ: рой уже там, поток разделился, одна ветвь пошла влево, к лестничному колодцу, другая — вправо, к грузовому лифту. 216-E — палуба «E», жилые каюты третьей смены: пока пусто, но стена на северной стороне коридора уже вибрировала, и по ней бежали трещины, тонкие, как капилляры. 217-E — медблок Сары Хейс: пусто, Сара эвакуировалась вверх двадцать минут назад. 218-D — палуба «D», главный склад: люди.

Двенадцать человек. Горняки из второй смены, которые не успели подняться на поверхность и укрылись в складе, заперев гермодверь. Рэйчел видела их на камере: двенадцать фигур в комбинезонах, сгрудившихся у дальней стены, лица — белые, рты — открытые, — и один из них, Марк Дэвис, тот самый, с которым Итан работал на забое, держал в руках плазменный резак, направленный на дверь, и его руки тряслись так, что луч описывал круги на титановой обшивке.

— Они в складе, — сказала Рэйчел. — Двенадцать человек. Палуба «D», камера 218. Уитфилд, они—

— Я вижу, — сказал Уитфилд. Он был рядом, у соседнего монитора, и его лицо было тем же — спокойным, гладким, — но глаза были другими. Глаза человека, который смотрит на то, что не может остановить.

Рой достиг двери склада за сорок секунд. Рэйчел видела на камере 217-D, как поток существ заполнил коридор от стены до стены, от пола до потолка, — и впереди шли рабочие. Она узнала их сразу, потому что их морфология соответствовала самым тонким фрагментам экзоскелета из керна КРН-1187: 30–50 сантиметров, тело — полупрозрачное, хитин — тонкий, почти стеклянный, сквозь который в инфракрасном спектре просвечивали внутренние органы — пульсирующие трубки гемолимфы, сегментированный пищевод, пара крупных слюнных желёз в головном отделе. Мандибулы — широкие, плоские, с зазубренными краями, покрытые чем-то, что блестело даже в ИК-режиме: кислотный секрет, тот самый, который за сорок секунд прожёт титановую обшивку.

Рабочие не атаковали дверь. Они ели её.

Двенадцать особей встали в ряд перед гермодверью и прижали мандибулы к металлу. Кислота потекла — густая, дымящаяся, — и титан начал плавиться, не от температуры, а от химической реакции, и Рэйчел поняла, что их слюнные железы вырабатывают не просто муравьиную кислоту, а хелатный комплекс, который связывает атомы титана и вырывает их из кристаллической решётки, как термиты выгрызают целлюлозу из древесины, только в тысячу раз быстрее.

Дверь продержалась девяносто секунд.

Потом она рухнула — не целиком, а фрагментами, оплавленными, скрученными, как бумага в огне, — и рой хлынул внутрь.

Рэйчел видела всё. Камера 218-D работала безупречно, 30 кадров в секунду, и каждый кадр был чётким, и она не могла отвести глаз, потому что она была учёным, и учёные не отводят глаз, даже когда то, что они видят, разрывает их изнутри.

Марк Дэвис выстрелил из плазменного резака. Луч — 4000°C, диаметр 12 миллиметров — ударил в поток и разрезал первых трёх рабочих пополам. Их тела лопнули, гемолимфа — янтарная, густая — брызнула на стены, и запах, который Рэйчел не могла почувствовать через камеру, но который она вообразила, — сладковатый, химический, как горелый сахар, — заполнил её ноздри. Три мёртвых рабочих упали. Поток не замедлился. Следующие особи перелезли через трупы, как через ступеньки, и Рэйчел поняла: для роя гибель трёх особей — это не потеря. Это ампутация ногтя. Ноготь отрастёт. Рой не остановится.

Воины вошли в склад следом за рабочими.

Они были другими. Рэйчел увидела их и почувствовала, как холод, который начался в ступнях в лаборатории, добрался до горла. 50–80 сантиметров — вдвое крупнее рабочих. Хитин — не полупрозрачный, а чёрный, матовый, толстый, с рёбрами жёсткости на дорсальной поверхности, как бронепластины на корпусе танка. Конечности — не тонкие, а мускулистые, с шипами на передних парах, загнутыми, как серпы. Голова — вытянутая, клиновидная, с двумя фасеточными глазами, которые горели в ИК-режиме ярко-красным, потому что их температура была выше температуры тела, — и мандибулы. Не плоские, как у рабочих, а удлинённые, серповидные, зазубренные, с внутренним краем, острым, как лезвие скальпеля. Это были не жвала для переработки пищи. Это было оружие.

Первый воин прыгнул.

Рэйчел не знала, что они могут прыгать. При 0,06 g прыжок был не прыжком, а полётом: воин оттолкнулся задними конечностями и пролетел восемь метров по воздуху, расправив крылья для стабилизации, и приземлился на грудь Марка Дэвиса с точностью, которая не была случайной. Его мандибулы сомкнулись на шее Дэвиса — не на горле, не на плече, а именно на шее, в точке, где сонные артерии проходят ближе всего к поверхности, — и Рэйчел знала, что это не инстинкт, а знание: рой знал анатомию человека, или, точнее, рой определил

уязвимые точки за те секунды, пока рабочие прогрызали дверь, сканируя тепловые сигнатуры тел через металл.

Дэвис не закричал. Его голова отделилась от тела с сухим треском, как ветка от дерева, и упала на пол, и его глаза были открыты, и в них было выражение, которое Рэйчел видела у людей, которые умирают слишком быстро, чтобы понять, что умерли: не страх, не боль, а удивление.

Одиннадцать оставшихся горняков закричали одновременно. Звук — камера не передавала звук, но Рэйчел слышала его, потому что её мозг достроил то, что не могли передать пиксели: крик двенадцати людей, запертых в помещении 20 на 15 метров с сотнями существ, которые эволюционировали два миллиарда лет, чтобы убивать.

Воины двигались быстро. Не хаотично — системно. Они не нападали все на одну жертву. Они распределялись: по три-четыре воина на человека, один фиксировал конечности, второй — голову, третий — вскрывал грудную клетку. Рэйчел видела, как воин вонзил серповидные жвала в живот Хуана Ортиса и разрезал его от грудины до лобка одним движением, и внутренние органы — кишечник, печень, петли тонкой кишки — вывалились наружу, и рабочие особи, которые шли следом, немедленно начали есть, вгрызаясь в мягкие ткани мандибулами, вливая антикоагулянт, разжижая кровь, высасывая—

Рэйчел отвернулась от монитора.

Её желудок сжался. Тошнота — не утренняя, не стрессовая, а первобытная, животная, — поднялась из горла. Она наклонилась, ухватила за край стола, и её вырвало — жидко, кисло, рециркулированная вода и соевый белок, — и она вытирала рот тыльной стороной ладони, и её руки тряслись, и она знала, что за её спиной на мониторе одиннадцать человек умирают так, как люди не должны умирать, и она не могла ничего сделать, и она была учёным, и учёные не отводят глаз, но она отвела, потому что она была не только учёным, она была беременной, и её тело защищало то, что росло внутри, и это тело не хотело смотреть на смерть.

— Рэйчел.

Итан. Его рука на её спине. Тёплая, тяжёлая, настоящая. Он был рядом — когда он оказался рядом, она не помнила, — и он не смотрел на монитор, он смотрел на неё, и в его глазах было то, что она не видела шесть месяцев: не вина, не сожаление, а присутствие. Он был здесь. Сейчас. С ней.

— Не смотри, — сказал он.

Она кивнула. Не потому, что согласилась, а потому, что не могла говорить.

На мониторе — камера 218-D — всё было кончено. Девяносто секунд. Двенадцать человек. Ни одного выжившего. Пол склада был покрыт тем, что раньше было людьми, и рой уже двигался дальше — вверх, к лестничным колодцам, к палубам «С» и «В», к жилым модулям, к ста семидесяти трём людям, которые ещё были живы.

Маркус Дрейк стоял на палубе «D», у лестничного колодца, и кричал.

Он кричал не от страха — страх был, но он был заперт в отдельном отсеке его сознания, как боеприпасы в бронированном ящике, и ключ от ящика был потерян, и Маркус не собирался его искать. Он кричал, потому что крик был инструментом: он перекрывал сирену, перекрывал топот бегущих ног, перекрывал звуки, которые доносились снизу, из палуб «Е» и «F», — звуки, которые Маркус слышал двадцать лет назад на орбитальной станции «Кеплер-7», когда протомолекулярная утка убила сорок человек за шесть минут, и которые он надеялся никогда больше не услышать.

Хруст. Влажный, ритмичный, как кто-то жует кость.

— Все навстречу! — кричал он. — Палубы «А» и «В»! Шаттлы на посадочной площадке! Двигайтесь! Не останавливайтесь! Не оглядывайтесь!

Люди бежали мимо него — по лестнице, по коридорам, через шлюзовые камеры, — и их лица были лицами людей, которые перестали быть личностями и стали биомассой в дви-

жении: глаза расширены, рты открыты, дыхание частое, поверхностное, адреналин заливают мозг, лобные доли отключаются, остаётся только ствол — беги, беги, беги. Маркус хватал их за плечи, разворачивал, толкал в нужном направлении. Он был офицером безопасности. Его работа — направлять поток. Его работа — быть плотиной.

Электрошоковый пистолет на его бедре был бесполезен. Он знал это. Электрошок работает на нервную систему, а у этих существ нервная система была не электрической, а химической — нейротрансмиттеры на основе кремнийорганических соединений, которые он не мог парализовать разрядом в 50 000 вольт, потому что их нервы не проводили электричество так, как человеческие. Рэйчел сказала бы ему это. Рэйчел знала бы. Но Рэйчел была в командном центре, а он был здесь, и у него был пистолет, который не работал, и голос, который ещё работал, и он использовал голос.

— Дрейк! — крикнул кто-то сверху. Виктор Нэш, зам. по логистике, лицо красное, потный, комбинезон расстёгнут. — Они на палубе «Е»! Я видел их через шлюз! Они прогрызли—

— Я знаю! — крикнул Маркус. — Уходи наверх!

— Шлюз на «Е» не закроется! Механизм заклинило! Они—

— УХОДИ НАВЕРХ!

Виктор побежал. Маркус остался. Он смотрел вниз, в лестничный колодец, и видел, как из темноты палубы «Е» поднимается звук: не крик, не сирена, а вибрация, низкая, инфразвуковая, 12 герц, которую он не слышал ушами, а чувствовал телом — в груди, в животе, в костях, — и эта вибрация была голосом роя, его языком, его приказом, и Маркус понял, что рой не просто двигался вверх — он координировался. Каждая особь знала, где она, где другие, где жертвы, где преграды. Они были не толпой. Они были армией.

Он побежал наверх.

На палубе «С» — жилой уровень, каюты, столовая, мастерская андроидов — Рэйчел и Итан столкнулись с потоком бегущих.

Коридор был забит людьми. Сто восемьдесят пять человек — минус двенадцать мёртвых на палубе «Д», минус те, кто ещё не успел выбраться из нижних уровней, — сжимались в пространстве, рассчитанном на шестьдесят, и давка нарастала, как давление в закупоренной трубе. Локти, плечи, крики, чей-то ребёнок — нет, на базе не было детей, это был крик взрослого, который звучал как детский, потому что страх не различает возраст, — и запах пота, и запах страха, и запах озона от перегруженных рециркуляторов, которые не справлялись с CO₂ от ста семидесяти дыханий.

Итан схватил Рэйчел за руку.

Не за запястье, не за плечо — за руку, пальцы в пальцы, крепко, до боли, и она сжала его руку в ответ, и в этом сжатии было всё, что они не сказали друг другу за шесть месяцев: я здесь, я не уйду, я не отпущу, даже если ты отпустишь, я не отпущу.

— Шаттлы, — крикнул он ей в ухо, перекрывая сирену. — На посадочной площадке! Через модуль «Альфа»!

— Там давка! — крикнула она. — Шлюзы не пропустят столько людей одновременно!

— Мы пройдем!

Они бежали. Коридор сужался у шлюзовой камеры между модулями «С» и «В», и давка стала невыносимой: тела давили со всех сторон, кто-то упал, кто-то закричал, и Рэйчел почувствовала, как чей-то локоть ударил её в бок, и боль — острая, тупая, — и она прижала свободную руку к животу, инстинктивно, защищая то, что было внутри, и Итан увидел это движение, и его лицо изменилось — не страх, не удивление, а понимание, мгновенное, как вспышка, и он не спросил, он не сказал ни слова, он просто обнял её плечо и притянул к себе, закрывая своим телом от давки, и они прошли через шлюз, как один организм, и вышли в модуль «В».

За ними — крик. Рэйчел обернулась.

У шлюза — давка. Гермодверь закрывалась — автоматический протокол, таймер, 30 секунд, — и в проёме была зажата девушка. Эмили Уоррен, стажёрка, 24 года, лицо — круглое, детское, глаза — огромные, — и она кричала, и кто-то за ней толкал, и кто-то перед ней тянул, и гермодверь сдвигалась, и металл смыкался на её талии, и Рэйчел видела, как комбинезон Эмили натянулся, как ткань лопнула, как—

Дверь закрылась.

Эмили осталась по ту сторону. Рэйчел не знала — жива ли она, цела ли она, — но она видела её лицо в маленьком иллюминаторе гермодвери, и это лицо было лицом человека, который понимает, что его оставили, и не может в это поверить.

Итан потянул Рэйчел вперёд. Она не сопротивлялась. Она не могла. Её ноги двигались, но её сознание осталось у шлюза, у лица Эмили, у звука, который гермодверь издавала, смыкаясь, — сухой, металлический, окончательный.

Камера 209-С. Мастерская андроидов. Палуба «С», сектор 7.

Лиза Картер видела это на своём планшете, потому что она не могла добраться до командного центра и подключилась к системе наблюдения через локальную сеть. Камера 209-С показывала коридор перед мастерской, и по этому коридору шёл поток — рой, тысячи особей, рабочие и воины, сплошная масса хитина и конечностей, — и посреди этого потока стоял ARI-3.

Он стоял неподвижно. Его магнитные захваты были зафиксированы на полу, его руки были опущены вдоль корпуса, его серо-голубые глаза — неподвижные, гладкие — смотрели вперёд. Рой обтекал его, как вода обтекает камень. Рабочие особи проползали между его ногами, не замедляясь. Воины огибали его, не поворачивая голов. Ни одно существо не коснулось его, не атаковало, не проявило интереса. Для роя ARI-3 не существовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.